

Р 113
2057

А. Д. БУТОВСКИЙ.

ПАМЯТИ
Его Императорскаго Высочества
Великаго Князя
КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

(къ годовщинѣ его кончины).



ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія „Художественная Печатня“, Демидовъ пер. 4.
1916.



2007337448

Памяти Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича.

(Къ годовщинѣ со дня Его кончины).

I.

Исполнился годъ со дня Его неожиданной и безвременной кончины.

Цѣлый годъ люди Его любившіе, люди, работавшіе подъ Его руководствомъ, должны были свыкаться съ мыслью, что они Его не увидятъ.

Но тѣмъ, кто любилъ Его, кто работалъ съ Нимъ, привыкнуть къ этой мысли не легко.

Трудно придти къ сознанію, что этого человѣка, такого чуткаго, такого отзывчиваго на всякую живую мысль, на всякое доброе чувство, уже нѣтъ въ живыхъ, что Онъ не встрѣтитъ васъ Своею чарующей улыбкой, Своимъ ласковымъ взглядомъ, Своимъ добрымъ подкупающимъ словомъ.

И въ общественной и въ частной жизни, гдѣ бы Онъ ни появлялся, Онъ такъ бывалъ всегда на мѣстѣ, Онъ былъ всегда такимъ желаннымъ, такимъ необходимымъ, такимъ незаменимымъ, что и теперь, когда намъ приходится быть въ такой же обстановкѣ, въ такой же средѣ, Его образъ самъ собою встаетъ передъ нами, мы видимъ, мы чувствуемъ Его нашими духовными очами и переживаемъ невозвратное, но дорогое, полное свѣтлыхъ воспоминаній и всегда богатое содержаніемъ прошлое.

Входите вы въ храмъ Божій, въ корпусную или училищную церковь; вотъ то мѣсто, гдѣ Онъ обыкновенно стоялъ во время богослуженія: средній проходъ между ротами, противъ царскихъ вратъ, почти по линіи заднихъ взводовъ.

Тому, кто не служилъ въ то время по военно-учебнымъ заведеніямъ, трудно даже представить себѣ, какое вліяніе оказывало на воспитанниковъ присутствіе Великаго Князя въ ихъ церкви. Для всѣхъ Онъ былъ примѣромъ благоговѣйнаго отношенія къ богослуженію, и какой это былъ высоко поучительный примѣръ.

Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, такъ проникновенно относящагося къ службѣ Божіей. Тутъ не было ровно ничего рассчитаннаго на представительность или на преподаніе примѣра, какъ это бываетъ у другихъ начальствующихъ лицъ. Онъ стоитъ прямо какъ человѣкъ военный, Онъ представительнъ по своей внѣшности, но вы чувствуете, что Онъ далекъ отъ всякой суетной мысли и весь погруженъ въ молитвенное созерцаніе. Кто изъ насъ знавшихъ Его не замѣчалъ, съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ слѣдитъ Онъ за ходомъ богослуженія; въ самомъ крестномъ знаменіи, которымъ Онъ осѣнялъ Себя, не частомъ, не показномъ, но всегда своевременномъ и истовомъ, видна была Его глубокая вѣра...

Я имѣлъ счастье сопровождать Великаго Князя и Его семейство въ чудесномъ путешествіи внизъ по Волгѣ, отъ Твери до Владиміра на Клязьмѣ, предпринятомъ имъ въ 1908 г. для поклоненія русскимъ святынямъ и для ознакомленія съ русскими древностями.

Я состоялъ при Немъ во время Его выѣздовъ по Высочайшему повелѣнію, въ 1901 г., во Владимірѣ-Волинскій, для освященія новаго собора, и въ 1910 г. въ Полоцкѣ, для встрѣчи мощей княгини Ефросиніи Полоцкой. Во время этихъ путешествій я всегда съ умиленіемъ наблюдалъ Его глубокую и трогательную по своей искренности набожность.

И какъ прекрасно сочеталось у Великаго Князя Его молитвенное настроеніе съ представительностью и величіемъ, когда это вызывалось Его высокимъ положеніемъ. Не могу забыть здравицы Государю, провозглашенной Имъ во Владимірѣ-Волинскомъ, на большой соборной площади, многимъ тысячамъ народа.

Не разъ съ такимъ же гармоническимъ сочетаніемъ молитвеннаго настроенія и величія присутствовалъ Онъ при освященіи новыхъ знаменъ, жалованныхъ военно-учебнымъ заведеніямъ.

Припомните Его на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ Педагогическомъ комитетѣ Главнаго Управленія или въ посѣщаемыхъ Имъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Сколько спокойствія и сколько благожелательнаго отношенія къ высказываемымъ мнѣніямъ. Потомъ, сколько осторожности и вдумчивости въ заключительныхъ словахъ по окончаніи преній.

Мы переживали періодъ горячаго обсужденія мѣръ, будто бы вызываемыхъ опытомъ только что кончившейся японской войны. Великій Князь, именно своею осторожностью и вдумчивостью, предупредилъ принятіе Особымъ Совѣщаніемъ нѣкоторыхъ рѣшительныхъ, но въ сущности мало обоснованныхъ мѣръ, охотно предлагавшихся въ то время *людьми, мало знакомыми со положеніемъ дѣлъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ*. Онъ уберегъ отъ искаженія прекрасную „Инструкцію по воспитательной части“ для кадетскихъ корпусовъ, которую находили въ то время устарѣлою и мало отвѣчающею новому болѣе свободному направленію въ воспитаніи.

Вспомнимъ бывшего Главнаго Начальника въ Его приѣмной комнатѣ, гдѣ Онъ слушалъ докладъ чиновъ Управленія и принималъ представляющихся и просителей. Сколько тутъ было вниманія къ дѣлу, сколько сердечнаго благорасположенія и любезности, сколько желанія придти на помощь, облегчить, утѣшить. И дѣйствительно, какъ много удовлетворенныхъ и утѣшенныхъ выходило изъ Его приѣмной комнаты!

Говорили, что это слабость, что снисходительность къ воспитанникамъ, признаннымъ безнадежными, и переводъ ихъ изъ корпуса въ корпусъ ведетъ только къ тому, что они закрываютъ вакансіи для свѣжаго нормальнаго контингента учениковъ. Съ формальной стороны это какъ будто бы имѣетъ основаніе; но какъ глубоко, какъ человѣчно понималъ Великій Князь, что воспитательное заведеніе не фабрика для машиннаго производства людей. И сколько порядочныхъ юношей было спасено, сколько горячихъ материнскихъ слезъ было осушено такимъ человѣческимъ отношеніемъ.

Я самъ по порученію Великаго Князя провѣрялъ послѣдствія этой Его кажущейся слабости къ неуспѣвающимъ кадетамъ. Могу по совѣсти сказать, что большинство переводитъ

мыхъ въ другіе корпуса, вмѣсто предназначеннаго для нихъ исключенія, исправлялось и порядочно оканчивало курсъ въ военныхъ училищахъ. Не подающихъ надежды къ исправленію въ новомъ заведеніи безповоротно возвращали родителямъ, при первомъ дурномъ шагѣ съ ихъ стороны.

Вотъ Великій Князь сидитъ на урокъ. Сидитъ Онъ обыкновенно на задней скамѣ, посрединѣ, рядомъ съ кадетомъ и иногда съ интересомъ разсматриваетъ его тетрадки, но Онъ внимательно сдѣдуетъ, что дѣлается въ классѣ, и, если кадетъ отвѣчаетъ, то иногда задаетъ ему вопросы. Эти вопросы всегда направлены къ тому, чтобы опредѣлить степень общаго развитія кадета и большій или меньшій интересъ его къ предмету. Онъ придавалъ большое значеніе самостоятельнымъ учебнымъ работамъ кадетъ и съ живымъ участіемъ выслушивалъ ихъ доклады на заданныя темы; послѣ заключительныхъ словъ учителя Онъ обыкновенно въ очень мягкихъ, поощрительныхъ выраженіяхъ высказывалъ и свои замѣчанія. Серьезное вниманіе обращалъ Онъ всегда на выборъ темъ для рефератовъ, предостерегая и учителей и начальство отъ заданій философскаго и вообще отвлеченнаго характера, непосильныхъ еще для кадетъ и способныхъ только развить въ нихъ верхоглядство. Мнѣ случалось уже говорить, какъ внимательно слушалъ Онъ отвѣтъ кадетъ по Закону Божію, особенно въ старшихъ классахъ; Его не удовлетворяло заучиваніе одной только догматической стороны нашего вѣроученія; урокъ Закона Божія, по Его убѣжденію, долженъ быть прежде всего урокомъ воспитанія въ вѣрѣ и въ духѣ христіанской нравственности. Для Него и вообще весь циклъ программныхъ знаній могъ имѣть настоящее, реальное значеніе, когда онъ способствовалъ воспитанію духовно-нравственной стороны человѣка. И какъ много дѣлалъ въ этомъ отношеніи Великій Князь, можетъ быть и Самъ не отдавая Себѣ въ томъ отчета, такъ какъ это вытекало изъ самой сущности Его природы, своими бесѣдами съ начальствомъ заведеній, съ воспитателями, съ учителями, и можетъ быть особенно съ самими воспитанниками...

Но вотъ свободное отъ уроковъ время, и Великій Князь окруженъ кадетами.

Много говорили, что этого совѣмъ не нужно, что это погоня за популярностью, что это баловство, ведущее къ распущенности...

Говорили это однако не въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Есть люди не понимающіе любовнаго, снисходительнаго отношенія къ окружающимъ, безъ какой-нибудь задней мысли сомнительнаго достоинства, безъ попустительства и безъ панибратства. Тѣ, кто видѣлъ нашего незабвеннаго Августѣйшаго Главнаго Начальника среди кадетъ и юношей, если у нихъ была хоть капля наблюдательности и душевнаго проникновенія, не могли такъ думать, напротивъ, они должны были чувствовать глубокое удовлетвореніе отъ того благодѣтельнаго подъема, какой пробуждался въ воспитанникахъ ласковымъ, любовнымъ обращеніемъ къ нимъ Великаго Князя... Разумѣется, не всякій имѣетъ этотъ даръ воздѣйствія однимъ только ласковымъ обращеніемъ, такъ какъ не всякому дано любвеобильное сердце... Нигдѣ, можетъ быть, въ другихъ случаяхъ нельзя было наблюдать у Великаго Князя такого непогрѣшимаго такта, такой высокой внутренней чистоты и такой сердечности, какъ въ этихъ бесѣдахъ съ окружающими его кадетами. Эти качества живо чувствовались юношами, и никогда въ минуты самаго большого оживленія они не забывали, кто удостоиваетъ ихъ своей бесѣдой... Это было именно то истинное воспитательное общеніе, которое по общему убѣжденію сотрудниковъ Великаго Князя особенно благодѣтельно дѣйствовало на настроеніе кадетъ. Они были привязаны къ Нему всею своею душою; они повѣряли Ему всѣ сокровенныя движенія этой души, и какъ много можно было бы рассказать случаевъ, когда однимъ своимъ простымъ словомъ Онъ переворачивалъ весь внутренній міръ мальчика или разрушалъ ненормальныя и уродливыя явленія, твердо сложившіяся въ жизни закрытаго заведенія.

Онъ былъ очень чутокъ къ душевному настроенію, къ складу мыслей, къ способностямъ и наклонностямъ окружающихъ Его людей. Если неожиданно Онъ замѣчалъ въ человѣкѣ выдающіяся черты характера, серьезныя знанія, призваніе къ какому-нибудь дѣлу, Онъ начиналъ чувствовать къ нему сердечное расположеніе. Такого человѣка Онъ не забывалъ и любилъ вспоминать о немъ.

— „Довольны ли вы, что снова увидите такого-то?—спрашиваетъ Онъ своихъ спутниковъ;—Я очень доволенъ.

Какъ умно и смѣло говоритъ Онъ въ комитетахъ, и замѣтите, что значить сила убѣжденія: многимъ отъ него достается, но никто на него не обижается“.

Онъ очень задушевно относился къ кадетамъ, которые изъ нерадивыхъ и лѣнивыхъ, какими они были въ младшихъ классахъ, на Его глазахъ постепенно выправлялись и становились порядочными юношами. Онъ не терялъ ихъ изъ виду и въ училищѣ и даже на службѣ, не упускалъ случая поговорить съ ними и отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ требовалъ даже письменнаго извѣщенія о положеніи ихъ дѣлъ.

Не разъ можно было видѣть Великаго Князя внимательно читающимъ тетрадку стихотвореній, написанныхъ кадетомъ. Прочитавъ и сдѣлавъ карандашомъ Свои отмѣтки, Онъ обыкновенно серьезно, но какъ-то любовно указывалъ кадету на слабыя и сильныя стороны его юношескихъ опытовъ. Никогда не упускалъ Онъ случая, встрѣчая такого молодого человѣка впослѣдствіи, освѣдомиться о новыхъ его работахъ.

Его очень подкупало, когда къ Нему обращались не какъ къ начальнику, не какъ къ особѣ, стоящей на неизмѣримой высотѣ, а просто какъ къ человѣку, способному понять чужую радость и чужое горе, готовому утѣшить своимъ сочувствіемъ и придти на помощь въ случаѣ нужды. Иногда самая наивность такой просьбы трогала Его, и Онъ готовъ былъ сдѣлать все возможное, чтобы доставить удовольствіе просителю.

Не обходилось безъ того, чтобы иные не пользовались этою неисчерпаемою добротою. Вотъ слѣдитъ Онъ и внимательно просматриваетъ красивую тетрадку.—„Ну, стихи у этой дѣвицы довольно топорные... Но за то какое чудесное письмо она Мнѣ написала. Поэзія—это ея призваніе; она проситъ Моего благословенія, совѣтовъ, указаній... Потомъ ей хочется имѣть томъ Моихъ стихотвореній съ Моею надписью... Я, разумѣется, охотно исполню ея желаніе“...

Бывали иногда просьбы и гораздо менѣе безкорыстнаго свойства.

Всегда одинаково любезный и привѣтливый, Онъ однако не со всѣми охотно дѣлился своими задушевыми чувствами

и мыслями. Съ людьми, не способными войти въ Его внутренний міръ, Онъ не расточалъ сокровищъ Своего духа, въ Немъ можно было замѣтить нѣкоторую сдержанность. Особенно не любилъ Онъ педантическихъ доктринеровъ, любящихъ иногда блеснуть своими знаніями въ присутствіи Высокихъ Особъ.

Иначе этого и быть не могло. Душа Его ярко выражалась въ Его несравненныхъ стихотвореніяхъ, и мнѣ вспоминались въ такихъ случаяхъ чудныя строки, написанныя Имъ еще въ молодости:

Не осудите слабости случайной,
Души моей поймите голосъ тайный.
Что можетъ умъ безъ сердца сотворить?
Я не умѣю пѣть безъ увлеченья
И не могу свои творенья
Холодному разсудку подчинить!..

II.

Я говорю искренно; я говорю о незабвенномъ Великомъ Князѣ такъ, какъ онъ рисуется теперь въ моихъ воспоминаніяхъ, и съ утѣшеніемъ сознаю, что не уклоняюсь отъ истины. Въ августѣ прошлаго года, въ „Русской Старинѣ“, была напечатана моя статья — „Въ вагонѣ Августѣйшаго Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній“. По поводу этой статьи я получилъ десятки писемъ отъ людей, болѣе или менѣе близкихъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ. Во всѣхъ этихъ письмахъ мнѣ отрадно было читать самые теплые, самые сердечные отзывы о дорогомъ усопшемъ. Это такой памятникъ, какого не можетъ воздвигнуть одинъ человекъ, и я считаю умѣстнымъ привести нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, какъ свидѣтельство тѣхъ добрыхъ чувствъ и той благодарной памяти, какіе оставилъ по Себѣ нашъ незабвенный Главный Начальникъ у людей, близко Его знавшихъ и съ Нимъ работавшихъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ:

11 октября 1915 г. „Съ чувствомъ глубокаго волненія и удовольствія прочиталъ я тотчасъ по полученіи вашу брошюру. Волной налетѣли на меня воспоминанія о незабвенномъ Великомъ Князѣ, котораго я обожалъ всѣми силами своей души, воспоминанія о которомъ есть лучшія минуты

моей жизни, а невозвратная утрата которого была для меня великимъ горемъ. Свѣтъ погасъ и не вспыхнетъ вновь. Такіе люди рождаются столѣтіями и даже рѣже... Свѣтлые дни, когда я имѣлъ великое счастье быть около Великаго Князя въ дни его пребыванія въ корпусѣ, никогда не забудутся. Воспоминанія о нихъ служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій“...

14 октября 1915 г.—„Прочтя брошюру „Въ Вагонѣ“, не знаю какъ и благодарить васъ за то чувство удовлетворенія, которое она во мнѣ оставила. Я вновь переживалъ въ своей памяти незабвенные дни, проведенные и мною въ вагонѣ обожаемаго нами Великаго Князя. Память о Немъ для меня священна и все, что напоминаетъ мнѣ Его несравненную личность, въ высшей степени дорого“...

14 октября 1915 г.—„Прочелъ присланный мнѣ вами „Отрывокъ изъ воспоминаній“ о незабвенномъ нашемъ Великомъ Князѣ, и вспомнились мнѣ Пушкинскія строки: „Минувшее меня объемлетъ живо, и, кажется, еще вчера“... какъ бы хотѣлось вернуть это „вчера“!

16 октября 1915 г.—„Я читалъ вашу статью въ „Русской Старинѣ“, и сколько самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній пробудила она во мнѣ! Образъ почившаго стоялъ передо мной какъ живой. Послѣдній разъ я представлялся Великому Князю въ декабрѣ прошлаго года, почти наканунѣ Его тяжкаго заболѣванія. Великій Князь былъ по обыкновенію любезенъ, оживленъ, оставилъ меня у себя завтракать. Ничто не предвѣщало, что такъ близокъ конецъ. Грустно! Вѣрите ли, пишу эти строки—и слезы туманять глаза. Много, много потеряли всѣ мы, вся учащаяся наша молодежь, ихъ отцы и матери, въ лицѣ почившаго!..“

25 октября 1915 г.—„Съ величайшимъ интересомъ прочелъ ваше „Въ Вагонѣ Августѣйшаго Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній“. Для всѣхъ насъ Его кончина тяжкая незамѣнимая утрата. Погасла яркая путеводная звѣзда!.. Ушелъ отъ насъ кристаллически чистый и необычайной доброты человѣкъ!..“

11 ноября 1915 г.—„При чтеніи вашей брошюры я испыталъ сердечный трепетъ и волненіе. Съ грустью надо признать, что ушелъ изъ жизни большой человѣкъ, память о которомъ я благоговѣнно чту... Думаю, что военно-учеб-

ное вѣдомство, на благо и пользу котораго такъ много и плодотворно потрудился Великій Князь, должно принять мѣры къ тому, чтобы память объ усопшемъ не заглохла“.

22 ноября 1915 г.—„Не могу удержаться, чтобы не написать вамъ и не принести самой горячей признательности за то удовольствіе, которое я испыталъ, читая ваши душевные строки. Свѣтлый образъ безвременно почившаго, безконечно мнѣ дорогого Великаго Князя, такъ и всталъ передъ глазами... Въ немногихъ словахъ вы счумѣли нарисовать суть отношеній Великаго Князя къ военно-учебнымъ заведеніямъ, счумѣли передать ту теплоту чувства, ту сердечность, которая создавала вокругъ Князя особую атмосферу любви и полного довѣрія...“

12 января 1916 г.—„Вспоминать о дорогомъ покойникѣ и горестно и сладостно. Личность Великаго Князя вся была проникнута какимъ-то особеннымъ благородствомъ; видно было, что все недостойное, низменное ему органически чуждо. Обаятельно дѣйствовали Его гуманность и просвѣщенность, принимая оба эти термина въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ употребляютъ историки, когда говорятъ о „просвѣщенномъ“ абсолютизмѣ и о развитіи „гуманизма“. Любовь Его къ дѣтямъ и молодежи, ласки, которыми Онъ ее дарилъ, трогали сердца рядовыхъ педагоговъ и вызывали въ нихъ теплое чувство... Онъ плѣнялъ не порывисто и внезапно, а спокойно, но непреодолимо; это была не яркая искра, а тихое сіяніе, которое успокаиваетъ и примиряетъ. И этотъ кроткій свѣтъ озарялъ всѣхъ насъ, проникалъ во всѣ закоулки нашего вѣдомства: и жилось легко, и служилось легко въ атмосферѣ довѣрія и благоволенія; того самаго „въ человѣцѣхъ благоволенія“, о которомъ пѣли ангелы“...

Безъ даты:—„Прочелъ вашу брошюру съ большимъ удовольствіемъ и еще разъ вспомнилъ Великаго Князя, къ памяти котораго питаю самыя высокія чувства, въ чемъ не расхожусь съ вами, какъ авторомъ брошюры. Особенно цѣнилъ, уважалъ и любилъ я Великаго Князя за чистоту души, идеализмъ и за то, что Онъ въ каждомъ уважалъ человѣческую личность. Вотъ почему пріятно было съ Нимъ служить и почему пріѣздъ Его не тяготилъ, какъ обыкновенно у насъ бываетъ съ пріѣздомъ начальства, а оставлялъ какое-то мягкое и радостное впечатлѣніе“.

14 октября 1915 г. — „La lecture de votre article m'a fait revivre pendant quelques instants trop courts avec ce charmeur, qu'il nous a été donné d'approcher, et dont on peut dire bien certainement que l'amitié d'un tel homme est un bienfait des dieux; je ne peux évidemment pas prétendre avoir été l'ami de feu le Grand Duc, mais je l'ai aimé bien sincèrement et de tout mon coeur“.

Остановимся на этомъ. Все это однѣ и тѣ же мысли, одни и тѣ же чувства, почти одни и тѣ же слова; но тѣмъ большее значеніе имѣютъ эти выдержки. Вѣдь эти люди, почтенные по ихъ возрасту, по ихъ положенію, и заслуживающіе глубокаго уваженія уже по одной искренности; которою дышатъ ихъ письма—не сговаривались; у нихъ не было и не могло быть другой побудительной причины писать мнѣ, кромѣ нашей общей любви къ дорогому Усопшему, а между тѣмъ посмотрите, какое единодушіе, какое полное согласіе мыслей и чувствъ...

То сіяніе внутренней красоты, которымъ Онъ озарялъ всѣхъ, имѣвшихъ счастье къ нему приближаться, глубоко западало въ ихъ сердца, и не померкнетъ оно, пока они живы. Для многихъ изъ его питомцевъ воспоминаніе о Немъ будетъ путеводною звѣздою на предстоящемъ имъ жизненномъ поприщѣ.

Все это естественно приводитъ къ мысли объ увѣковѣченіи Его памяти и для будущихъ поколѣній.

По кончинѣ Великаго Князя Михаила Павловича, въ воспоминаніе о немъ въ кадетскихъ корпусахъ, „находившихся подъ Его главнымъ начальствомъ“, были поставлены по Высочайшему повелѣнію монументальные бронзовые бюсты, художественно передающіе черты Его отечески серьезнаго лица. Это было въ 1849 г., и съ тѣхъ поръ сколько поколѣній кадетъ и юнкеровъ, вмѣстѣ съ памятью о родномъ корпусѣ, сохранили въ себѣ образъ этого достопамятнаго дѣятеля.

Нужно ли говорить, какимъ благороднымъ актомъ справедливости и уваженія къ памяти Великаго Князя Константина Константиновича была бы постановка и Его бюста, такой же художественной работы, во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ, которымъ выпало на долю неоцѣненное счастье быть подъ Его главнымъ начальствомъ, и которые Онъ такъ любилъ и такъ часто посѣщалъ.

Не забудемъ однако, что дѣятельность Усопшаго не ограничивалась одними военно-учебными заведеніями. Онъ оставитъ Свое Имя въ исторіи какъ одинъ изъ богато одаренныхъ и просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Онъ былъ великимъ мастеромъ русскаго слова и плѣнялъ насъ своими чудными поэтическими произведеніями. Онъ стоялъ во главѣ высшаго научнаго учрежденія въ государствѣ. Онъ былъ попечителемъ института для высшаго женскаго педагогическаго образованія, и можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что онъ стоялъ у самаго кормила русскаго просвѣщенія. У Него было много живого интереса къ литературѣ, къ исторіи, къ археологіи, къ вопросамъ религіи и воспитанія; Онъ былъ серьезнымъ знатокомъ искусства во всѣхъ его отрасляхъ и превосходнымъ музыкантомъ.

Русскіе люди, чтущіе Его память, сдѣлали бы благое дѣло, соединившись въ общество, преслѣдующее просвѣтительныя цѣли. Общество можно было бы назвать „Русскимъ обществомъ отечественнаго просвѣщенія, въ память Великаго Князя Константина Константиновича“, и у этого общества нашлась бы работа.

Передъ нами лежитъ еще безбрежное поле для дѣятельности во всѣхъ этихъ отрасляхъ, и общество, вдохновляемое воспоминаніями о Великомъ Князѣ, могло бы съ теченіемъ времени дать свой цѣнный вкладъ въ эти области русской науки и искусства.

Самъ Онъ дѣлалъ всякое свое дѣло отъ всего сердца. Припомните, какою жаждою плодотворной работы дышатъ Его строфы, вызванныя зрѣлищемъ водопада:

О, еслибъ занять этой силы
И твердости здѣсь почерпнуть,
Чтобъ смѣло свершать до могилы
Невѣдомый жизненный путь;
Чтобъ съ совѣстью чистой и ясной,
Съ открытымъ и яснымъ челомъ
Пробиться до цѣли прекрасной
Въ бореньи съ неправдой и зломъ.

А. Д. Бутовскій.

Петроградъ
2 іюня 1916 года.